

ЖАНР ПРИТЧИ В ИСПОЛНЕНИИ АННЫ И КОНСТАНТИНА СМОРОДИНЫХ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРОЗЫ В РОССИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

© 2011 Е.А.Жиндеева, Е.С.Исаева

Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е.Евсевьева

Статья поступила в редакцию 24.02.2011

В статье дан развернутый анализ избранных рассказов Анны и Константина Смородиных с точки зрения эволюции в современной русской прозе жанра притчи. Данное явление вписано в контекст развития в России начала XXI века религиозной тематики. Публикация осуществляется при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. по теме «Современный литературный процесс Мордовии в контексте развития новейшей русской литературы» (ГК П381 от 07 мая 2010 года)

Ключевые слова: жанр, притча, рефлексия, религиозная проза, современный литературный процесс, тематика, проблематика

В настоящее время в теории и практике гуманитарных наук особое внимание уделяется способам и приемам изображения личности. В образцах художественного творчества стремления и чаяния авторов становятся сюжетообразующим началом, внутренний мир центрального персонажа – объяснением мироустройства. Художник слова сам оформляет бытие, дает возможность читателю испытать эмпатию, при этом мирозерцание писателя становится отправной точкой описываемых переживаний. Такое структурирование художественного произведения, с одной стороны, позволяет осознать его ценность, а с другой – транслирует характерные признаки категориальной авторской новации в пределах поисковых форм эпохи.

Стремление к описанию новых форм, оригинальных решений в постановке насущных проблем свойственно всей современной русской прозе. Характерное для конца XX – начала XXI веков возвращение к основам православного мировоззрения ряда писателей привело к формированию целого направления, именуемого «религиозной прозой». Религиозная проза – довольно сложное явление в русской культуре XX – XXI веков, поскольку, с одной стороны, продолжает традиции классической русской литературы, с другой – является образцом направленных дефиниций современного искусства слова. Но при видимом тематическом единообразии богоискательства такая литература представляет собой некое синтетическое художественно-религиозное миромоделирование в творчестве Л.Бородина,

В.Крупина, А.Варламова, В.Николаева, А.Трапезникова и многих других. Концептуализируя идею глобального возрождения мира, вышперечисленные писатели исповедуют идею глобально-духовно-культурного возрождения мира. Интерференция религиозного и художественного типов сознания в единую систему духовно-культурологических идей позволяет реанимировать некоторые специализированные жанры, к которым и можно отнести жанр притчи.

Православие, содержательный компонент которого основан на ряде добродетелей, искренней вере, духовном служении Родине, требует внимательного к себе отношения. Основная сложность, на наш взгляд, поджидающая писателя, работающего в жанре притчи, – в соотношении художественной формы, подразумевающей некую игру, и глубины духовного прозрения героя. В этом отношении интерес представляет художественное наследие Анны и Константина Смородиных (известных под общим псевдонимом Ю.Самарин). Идея веры, православного мирозерцания, того, что можно назвать внутренним укладом жизни, явственно представлена в особом жанре – притче, получившем широкое распространение в творчестве авторов и имеющем некую прозаическую модификацию (от романа-притчи «Ракушка» до рассказов, вошедших в сборник «Русский костер»). Притча как религиозный жанр известна давно. Ее основными параметрами и в настоящее время остаются обращение к высшим силам; дух смирения и покаяния, соседствующий с концентрированностью сюжета, тематической смелостью, лаконичностью, философским контекстом, искусно синтезируемыми в пределах одного художественного текста.

Полное и живое представление о творчестве любого писателя невозможно без рассмотрения характера авторского стиля, предпочтений в выборе формы произведения, что, по сути дела, на

^oЖиндеева Елена Александровна доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедры литературы и методики обучения литературе. E-mail: jindeeva@mail.ru
Исаева Елена Сергеевна соискатель кафедры литературы и методики обучения литературе.
E-mail: alenasaransk@rambler.ru

уровне замысла будущего текста закладывается художником слова в соответствии с предполагаемым содержанием. Поскольку в таком произведении основными являются поступки, их нравственно-эмоциональные результаты, то назидательный характер текста получает исключительное значение для его восприятия. Но вместе с тем, символическая наполненность, чувственный мир, сознание и подсознание, работающие на идею возмездия за нарушение глубинных законов бытия, трансрациональность «Я» способны сделать такой художественный текст замысловатым соединением реального и ирреального миров. Это, в конечном счете, и позволяет анализировать такое произведение с позиций собственной причастности «к глубинной «премудрости» религиозного и моралистического порядка»¹.

Возрождение в литературе притчи как одного из жанров эпического рода носит закономерный характер. Наряду с библейскими, притчи остаются читаемыми вне зависимости от общего уровня развития сознания, общественной мысли, несмотря на официальные и неофициальные запреты, остаются в центре внимания многих художников искусства слова. Более того, интерес к притче обостряется с появлением в нашей жизни ощущения кризисности, предчувствия катаклизмов и потрясений. Современная действительность, духовные потребности современного человека и суррогатность низменных потенций толпы синтезировались в рассказах-притчах Анны и Константина Смородиных. Вышедший в 2000 году сборник под общим названием «Русский костер» – свидетельство творческой зрелости писателей. В исследуемый сборник вошли четыре самостоятельных и семь объединенных в единый цикл рассказов-притч, последние и дали название всей книге. Первое произведение «А, Иван?..» искусно соединяет пародийное многоголосие и общую боль за свершаемое на русской земле. Сюжет притчи заключается в описании борьбы типичного русского мужика против проявлений, несвойственных укладу жизни русского народа. Борьба, происходящая внутри героя, заключается в выборе между земными благами и душевным равновесием. В современном мире хаоса все-таки, по мнению авторов, важно именно духовное совершенство.

Использование пародии помогает осознанию стереотипов мышления современного обывателя (от «нового русского», в прошлом друга детства Ивана, до современного служителя культа), ироническое отношение автора к ложным прочтениям самой жизни. В повествовании пародируется и сказка (не случайно жанр произведения авторами

уже задан), нечто несуетное, воплотившее в себе вековой опыт народа. Вместе с тем здесь сочетается бережное, глубокое внимание к традиции подобного повествования, настолько глубокое, что в притчах оживает, реализуется древнейшая семантика сказочной формы, восходящая к мифу и обряду. В этом отношении притча как форма нравовучения уступает место именно сказочному началу текста. Так, например, Иван проходит через цепь испытаний и в результате обретает новый взгляд на мир, новое знание о нем. В этом заключается смысл древнего обряда инициации, посвящения, к которому современная фольклористика возводит исток волшебной сказки. Социальный смысл обряда инициации, как мы знаем, состоял в том, что, пройдя страшные испытания, как бы умирая и рождаясь заново, посвящаемый становился равным со всеми членами рода, человеком в полном смысле слова. Структура начальной притчи, представленной в сборнике Анны и Константина Смородиных, на первый взгляд, повторяет структуру сказки. На пути Ивана встречаются антагонисты в виде сил, которые олицетворяет собой старинный друг детства, наперекор которым Иван и доходит до цели – осознания смысла жизни. Испытание властью (он становится тем человеком, который помогает внешне разорившемуся Семену, а, следовательно, получает власть над этим человеком), деньгами (неразменный доллар) Иван проходит с честью. Не могут сбить с истинного пути его ни жертва (дети), ни любовь (жена), ни вещие сны, наполненные нечистой силой, ни колдовство несостоявшегося мага. «Молодой, крепкий, недавно отслуживший армию мужик Иван», которому «не по себе глядеть на бледные, жадные лица», находит панацею. «И странно как-то в душе Ивана – и матушка, и родная земля, и дети – в одно сбились, и в сердце только любовь осталась, и больше – ничего»². В сущности, нравовучение в прозаических произведениях характерно только для притчи. Совокупность пародийного и поучительного в данном случае представлена в двух «ликах» – пародийно-осовремененном и подлинном, древнем. Причем и в спародированном образе сохраняется первоначальное ядро, исходный смысл, ведь иначе пародия не будет ощущаться как пародия. Но и та, и другая ипостаси одинаково важны для концепции авторов. Именно в пародии высвечивается зияющий разрыв между первородной мифологической значимостью образов притчи и их суетным наполнением в повседневной реальности. Мир «умеющих жить» циников, вроде чертей, пустопорожных мудрецов обнаруживает свою перевернутость, сдвинутость,

¹ Основы литературоведения / Под ред. В.П.Мещерякова. – М.: 2000. – С. 118.

² Смородин К., Смородина А. Русский костер. – Саранск: 2000. – С. 56.

алогичность. Он ненормален. Здесь намерения, цель и средства – все искалечено, искажено. Ущербность современного состояния общества подчеркивается практически в каждом рассказе Смородиных. Символом неполноценности современного общества является описание дома-табора, деревенского поля – пустоши. «Стоит посреди поля дом – блочная пятиэтажка, длинная, изогнутая, как половинка бублика. Поле, собственно говоря, бывшее поле, сейчас это просто пустырь, щедро заросший чертополохом и молочаем. Земля вблизи дома искорежена, угрожающе торчат обрывки металлической проволоки, валяются бетонные обломки. Разор, хаос и запустение»³. Концентрированное описание неухоженности порождает ощущение безысходности, невозможности приобщения человека к знанию извечных законов бытия, обретения единства с миром, родства с его чудесными силами ценой страшных мук, смерти и нового рождения, начала новой жизни.

Избранный жанр – притча – с ее тяготением к глубинной «премудрости» моралистического порядка, философско-эстетическим осмыслением и оценкой призван обобщить народный опыт, народный взгляд на мир, сформировав кодекс простых норм нравственности и справедливости. Вероятно, поэтому, пройдя испытания, герой рассказов Смородиных понимает смысл происходящего и, как правило, избирает путь раскрепощения человека от всего сковывающего и ограничивающего. Тогда на первый план выдвигаются нравственные, исконно человеческие свойства, осознаваемые как необходимые основания нового, свободного мира. Между тем в сборнике (вероятно, в силу того, что это плод совместного труда талантливых писателей) наблюдается несколько морально-этических центров, хорошо различимых на совершенно разных уровнях. Так, смыслом жизни каждой из героинь – Катерины («Тусок»), Алены («Яблоко любви») и других – являются семья, муж, дети. Разрушив фундамент всего мироздания – семью, люди встали на путь собственного уничтожения, и речь в данном случае идет не только о демографическом кризисе. Исчезновение микроклимата понимания, доброты приводит к одиночеству среди себе подобных, и, как следствие этого, к духовному кризису. Незримые нити способны соединить двух любящих, но на их долю, как правило, выпадают испытания материального порядка. От того, как два человека, предназначенных друг другу, смогут пройти свой тернистый путь, зависит судьба внешне независимых от них людей («Яблоко любви», «Радостная слободка»).

Особо стоит отметить поиски веры независимыми, устремленными в будущее людьми («Зо-

лотой для адвоката», «Русский костер», «Тайна», «Отчий город»). Появление нового типа героя – преуспевающего бизнесмена, модного адвоката, криминального авторитета и им подобных – позволяет авторам подчеркивать контраст между материальным достатком и духовной опустошенностью, желанием совершить что-то для души и невозможностью выйти из раз и навсегда заведенного круга дел и событий. Невольный выбор, который как бы случайно подбрасывает судьба, для такого поведенческого типа означает ломку событий и стереотипов, которая не может быть на пользу делу.

Архетип общей этической атмосферы притчи характерен для повествования в «Острове». С одной стороны, рассказанная авторами история типична для современной ситуации в России. Вчерашние друзья становятся врагами на почве разобщенности верований. Легко предает сегодняшнее молодое поколение, выросшее в эпоху атеизма, свою исконную веру, а вместе с ней и все, что составляет основу загадочной русской души с ее жертвенностью, соборностью, добротой и щедростью. С другой стороны, выведенные доминанты религиозных концепций скорее соответствуют образу жизни, который определяет в значительной мере и модель поведения иноверцев. Так, основной потребностью Михаила (новоиспеченного Мухаммеда) становится точить нож. На возглас вчерашнего друга: «Ты же русский!» Он с бравадой объявляет: «Слава Аллаху, уже нет. Русские – это пораженчество. По морде стукнули – радуйся, башку проломили – благодари... Не желаю!»⁴. Для Сергея (Джима), протестанта и американца в первом поколении, приоритетным становится строительство из песка огромного города с куском рогатой короны – обломком статуи свободы в центре. Павел, только что принявший католичество, занят только разоблачением российских недостатков: «Грязь, мат, пьянь и скотство, Россия!»⁵. Приговоренный на вечное поселение с братьями-подельниками, Иван сохранил свою веру. «Рухнул на колени Иван, погибший человек, у которого погибло все: и Родина, и братья, и только надежда осталась... надежда на спасение...»⁶. Только вера способна спасти Россию – этот мотив оказывается убедительным доказательством нравственного превосходства Ивана. Вообще ассоциативный фон произведений Смородиных, подчиняя себе все элементы собственно поэтики, складывается в самостоятельный, конспективно представленный мифологический миробраз. Он существует вполне объективно, и поэтому материализованные в структуре мифа и

⁴ Там же. – С. 138.

⁵ Там же. – С.147.

⁶ Там же. – С.148.

³ Смородин К., Смородина А. Русский костер... – С. 5.

поэтики притчи вековечные моральные ценности становятся объективным законом художественной действительности и строгим судом оценивают все, что попадает в их сферу – в том числе и главных героев рассказов. В позиции, к которой приходит в финале Иван, есть острое ощущение драматизма жизни, есть напряженный, рвущий сердце вопрос. Но еще нет ответа, еще нет возможности сознательного выбора цели. Намеренно лишая Ивана проповеднической функции, авторы подчеркивают рефлекторность избранного выхода из сложившейся ситуации. Но наряду с этим отмечается и фанатизм, предрасположение Сущего к тому или иному человеку. Трансформация канонических образов, расширение временных границ, характерных для Библейских притч, делает анализируемые рассказы многозначными, диалектически подвижными, способными соединить философскую направленность художественного текста с обновленной сюжетной архитектурой.

В поисках наиболее философски емкой и одновременно демократичной художественной формы писатели настолько углубили архаику притчи, что вышли на уровень мифологической модели бытия, которая, как видим, оказала значительное воздействие на хронотоп всего повествования данных авторов. Отсюда вытекают и более частные закономерности функционирования архаических жанров семантики в прозе Смородиных: сказочно-мифологическая архаика, божественные и демонические силы осовременены, сомкнуты с живым, злободневным образом действительности.

Основным способом соединения архаического и современного здесь является план нравственно-философской коллизии, поиска ответов на вопрос о том, какую роль в нравственном выборе и в социальном деянии человека играет его самосознание: ведь без этого вся активность личности уходит на проявление её порочных начал. В сферу оценки такой формы повествования с воплощенными в нем нравственно-философскими ценностями попадает сам герой – выходец из народа, причем недостаточность и неисчерпаемость его позиции обнаруживается именно через поэтику притчи, где все же первична именно Божественная воля.

Таким образом, рассказы-притчи, вошедшие в сборник «Русский костер», по сути дела вобрали в себя все основные специфические черты повествования Анны и Константина Смородиных, которые можно охарактеризовать следующим образом: отсутствие эксцентричных характеров и динамики событий; исключительная заостренность главной мысли, выразительность и экспрессивность повествования; при этом сохраняется принцип параболы: повествование удаляется от современного мира, а затем, как бы двигаясь по кривой, снова возвращается к оставленному предмету и дает его оценку, эстетическое осмысление которой позволяет читателю выработать свою точку зрения по данному вопросу; с содержательной стороны повествование тяготеет к моральному поучению. Все это в целом и позволяет сделать вывод о художественной ценности анализируемых тенденций современной русской прозы.

GENRE OF PROVERB PERFORMED BY ANNA AND CONSTANTINE SMORODINY AND RELIGIOUS PROSE DEVELOPMENT IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XXITH CENTURY

© 2011 E.A.Zhindeeva, E.S.Isaeva^o

Mordovian State Pedagogical institute named after M.E.Evseyjev

The article gives a detailed analysis of selected stories of Anna and Constantine Smorodiny from a perspective of the evolution of contemporary Russian prose in the genre of proverb. This phenomenon is described in the context of religious literature development in Russia at the beginning of the XXI century.

Key words: genre, proverb, reflection, religious fiction, modern literary process, subject matter, range of problems.

^o Elena Aleksandrovna Zhindeeva Doctor of Philology, Professor, acting head of the chair of literature and methodology of teaching literature. E-mail: jindeeva@mail.ru
Elena Sergeevna Isaeva Post-graduate student of the chair of literature and methodology of teaching literature. E-mail: alenasaransk@rambler.ru